

Теренина Н.К.¹, Кроток Р.Н.²

^{1,2} Псковский государственный университет
^{1,2} 180000, Россия, г. Псков, ул. Красноармейская, 1
¹ brazelon@yandex.ru; ² roma.krotok@yandex.ru

Использование индекса религиозной контактности в изучении пространственно-временной динамики конфессионального пространства Российской империи

Аннотация. Конфессиональное (религиозное) пространство выступает в качестве главного объекта исследования конфессиональной географии. Целью исследования является выявление территориальных аспектов взаимодействия двух основных конфессиональных пространств России (восточно-христианского и мусульманского) в имперский период истории (с XVIII в. по начало XX в.) с помощью методики, опирающейся на предложенный авторами показатель – индекс религиозной контактности. В отличие от используемого в конфессиональной географии индекса религиозной мозаичности, индекс религиозной контактности даёт возможность не только оценить степень неоднородности конфессионального состава населения, но и отобразить на карте перевес последователей той или иной религии при оценке степени выраженности конфессиональных контактных зон, а также в ходе картографического анализа их динамики. С помощью картографирования изменений данного показателя за четыре временных интервала были выделены следующие фазы развития конфессиональных контактных зон: 1) зарождение контактной зоны (снижение моноконфессиональности из-за появления последователей другой религии); 2) рост контактности за счёт увеличения доли последователей второй религии; 3) снижение показателя контактности, когда удельный вес последователей второй религии превысил долю приверженцев первой религии и продолжает расти; 4) нарастание моноконфессиональности (начало доминирования второй религии); 5) растворение конфессиональной контактной зоны (снижение до крайне низкого уровня доли последователей первой религии).

Ключевые слова: индекс религиозной мозаичности, конфессиональное ядро, контактные зоны, православные, мусульмане

Natalia K. Terenina¹, Roman N. Krotok²

^{1,2} Pskov State University
^{1,2} 1 Krasnoarmeiskaya St., Pskov, 180000, Russia
¹ brazelon@yandex.ru; ² roma.krotok@yandex.ru

Using the Index of Religious Contact in Studying the Spatio-Time Dynamics of the Russian Empire Confessional Space

Abstract. Confessional (religious) space acts as the main object of study in confessional geography. The aim of the research is to identify the territorial aspects of the interaction between the two main confessional spaces of Russia (Orthodox and Muslim) during the imperial period of history (from the 18th century to the beginning of the 20th century), using a methodology that is based on an indicator proposed by the researchers – the index of religious contact. Unlike the religious mosaic index that is used in confessional geography, the religious contact index allows us not only to evaluate the degree of diversity of the confessional composition of the population, but also to visually display on the map the dominance of a particular religious group when assessing the extent of manifestations of confessional contact areas, as well as during the course of cartographic analysis of their dynamics. By mapping the changes in this indicator over four-time intervals, the following phases of the development of confessional contact zones were identified. 1) The emergence of a contact zone (decrease in mono-confessionalism due to the emergence of followers of another religion). 2) The growth of contact by increasing the proportion of followers of the second religion. 3) Decrease in the indicator of contact, when the share of followers of the second religion exceeds the share of adherents of the first religion and continues to grow. 4) The growth in mono-religiosity (the beginning of the dominance of the

second religion). 5) Dissolution of the confessional contact zone, resulting in a decrease to an extremely low level in the proportion of adherents to the first religion.

Key words: religious mosaic index, confessional core, contact zones, Orthodox, Muslims

Постановка научной задачи. Конфессиональное (религиозное) пространство может служить в качестве объекта изучения многих наук, использующих самые разнообразные методы исследования. Однако географические методы при изучении конфессионального пространства используются пока достаточно редко. Этим и определяется актуальность данного исследования, одной из важнейших задач которого является разработка нового инструментария изучения конфессионального пространства с позиции географической науки.

Целью исследования является выявление структурно-территориальных закономерностей взаимодействия двух основных конфессиональных пространств России (восточно-христианского и мусульманского) в имперский период истории (с XVIII в. по начало XX в.) с помощью методики, опирающейся на предложенный авторами показатель – индекс религиозной контактности.

В качестве **информационной базы исследования** выступает статистика по религиозной принадлежности населения на уровне регионов России с 1719 по 1914 гг., представленная в работах В.М. Кабузана [Кабузан, 1990; 1992; 2008] и в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [Первая всеобщая перепись, http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php].

Для определения границ Российского государства в основные годы проведения ревизий населения (1719, 1795 и 1851 гг.), а также на 1897 и 1914 гг. использовался сайт «История России. Интерактивная карта изменений границ России на протяжении веков» [История, <https://histography.ru/#welcome>]. При этом религиозная статистика за разные годы привязана к административным единицам Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (в соответствии с первоисточниками – книгами В.М. Кабузана и материалами переписи 1897 г.).

Понятие конфессионального пространства. Понятие «конфессиональное пространство» используется в работах большинства исследователей, которые занимаются вопросами географии религий: С.Г. Сафронова [Сафронов, 2001, 2013], В.М. Булаева и К.В. Гориной [Булаев, Горин, 2011], С.А. Горохова [Горохов, 2014, 2020], О.А. Балабейкиной и В.Л. Мартынова [Balabeukina, Martynov, 2017], А.Г. Манакова [Манаков, 2018, 2019], В.С. Дементьева [Дементьев, 2021] и других авторов. С.А. Горохов [Горохов, 2014] отмечает, что конфессиональное геопространство представляет собой сложное образование, имеющее свою особую территориальную и компонентную структуру. Конфессиональное пространство, по мнению К.В. Гориной [Горина, 2012], включает совокупность всех религий, вероучений на конкретной территории, ареалы распространения которых можно рассматривать как самостоятельные подпространства.

С.Г. Сафронов [Сафронов, 2001] рассматривает конфессиональное пространство сквозь призму сфер территориального влияния мировых и локальных религий. Он предложил выделять на макроуровне следующие элементы конфессионального пространства: 1) крупные конфессиональные плиты, образуемые мировыми религиями (христианством, исламом и буддизмом); 2) контактные зоны, где происходит наложение сфер влияния мировых религий. Такое же обозначение основных компонентов территориальной структуры конфессионального пространства используется и в работах ряда других авторов [Манаков, Суворков, 2018; Манаков, 2019; Mankov, Dementiev, 2019; Дементьев, 2021]. Но, на наш взгляд, в данном случае лучше ввести названия компонентов территориальной структуры конфессионального пространства по аналогии с этническим слоем геокультурного пространства, а именно, «ядра» и «контактные зоны» разной степени выраженности.

Согласно А.Г. Манакову [Манаков, 2018], конфессиональное пространство является одним из важнейших слоёв геокультурного пространства, которое изучается сразу несколькими географическими дисциплинами – этнической, конфессиональной, культурной (этнокультурной) географией. Ещё полвека назад П.И. Пучков

[Пучков, 1973] говорил о том, что религиозную общность нельзя отождествлять с этнической общностью, но представляется важным сам факт рассмотрения взаимосвязи между определёнными этносами и религиями. В частности, по причине отсутствия статистики по современной религиозной структуре населения, используется такой подход, как определение потенциального конфессионального состава населения исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов (например, в работах [Сафронов, 2001; Манаков, 2019; Manakov, Dementiev, 2019] и др.).

Методика исследования. Для выделения основных компонентов территориальной структуры этноконфессионального пространства достаточно давно используется такой показатель, как индекс этнической мозаичности (ИЭМ) [Дорофеева, Савоскул, 2010]. Обычно ИЭМ используется для оценки этнической пестроты населения в регионах России [Орлов, 2013; Шитиков, 2015; Манаков, 2018] и других стран [Fearon, 2003; Posner, 2004; Озем, 2008; Кельман, 2014].

В отечественной культурной географии ИЭМ стал применяться, в первую очередь, для выделения такого структурного компонента геокультурного пространства, как этноконтактные зоны (ЭКЗ) [Манаков, 2018]. Причём разработана также классификация ЭКЗ в зависимости от величины ИЭМ: 1) ярко выраженные ЭКЗ (ИЭМ свыше 0,4); 2) неярко выраженные ЭКЗ (ИЭМ от 0,2 до 0,4), используемая, например, при выделении ЭКЗ на Северном Кавказе [Лысенко, Водопьянова, Азанов, 2011]. Территории с ИЭМ менее 0,2 обычно рассматриваются как этнически относительно однородные, или моноэтнические, представляющие собой ядро этнического пространства [Орлов, 2013].

Индекс мозаичности используется также и в конфессиональной географии для выделения контактных зон, образовавшихся на стыках мировых или же локальных религий. А значит, по аналогии с ИЭМ осуществима и классификация данных контактных зон, построенная на основании величины индекса религиозной мозаичности (ИРМ) [Манаков, 2018; Дементьев, 2021], рассчитываемого по формуле:

$$ИРМ = 1 - \sum_{i=1}^m (\pi_i)^2,$$

где ИРМ – индекс религиозной мозаичности, m – количество религий в стране или регионе, π_i – доля приверженцев i -й религии в стране или регионе.

Индекс религиозной мозаичности обладает теми же недостатками, что и ИЭМ. Так, ранее нами [Теренина, 2022] был отмечен такой недостаток, как невозможность определения без дополнительной информации, а также и картографического отображения, перевеса в этнической структуре населения национальных субъектов Российской Федерации (или других стран) титульных и нетитульных этносов.

Ранее нами был предложен показатель, который снимает проблемы, связанные с картографическим отображением ИЭМ, а также и некоторыми другими недостатками его использования. Этот показатель был назван нами «индексом этнической контактности» (ИЭК). Данный индекс позволяет оценить вероятность контакта представителей двух этносов в определённом регионе (или государстве) и рассчитывается следующим образом:

$$ИЭК = k \cdot 2 \cdot \pi_{A_j} \cdot \pi_{B_j},$$

где ИЭК – индекс этнической контактности (вероятность встречи представителей этносов A и B в j -м регионе), π_{A_j} – доля национальности A в j -м регионе, π_{B_j} – доля национальности B в j -м регионе, k – поправочный коэффициент [Теренина, 2022].

Именно такая формула используется в этнодемографии для оценки вероятности браков между представителями разных этносов. Коэффициент k отражает «межэтнические расстояния», которые рассчитываются с помощью методик, разработанных для изучения смешанных супружеских пар [Сороко, 2014]. Кроме того, данный коэффициент может учитывать специфику расселения разных этносов в определённом регионе. В нашем исследовании коэффициент k условно принят равным единице.

Но, в отличие от ИЭМ, данный показатель имеет смысл использовать только при изучении двухкомпонентных этноконтактных зон, что с формальной точки зрения существенно снижает его применимость в исследованиях ЭКЗ. Однако многокомпонентные ЭКЗ вполне можно разложить на несколько двухкомпонентных ЭКЗ. Также

возможно объединение этносов (основных участников ЭКЗ) в две группы по определённым (заданным исследователем) признакам. К тому же снимается проблема, связанная с количеством задействованных при расчётах этнических или религиозных сообществ. Величина индекса в двухкомпонентных ЭКЗ не может превышать 0,5.

Преимущество использования ИЭК связано с расширением возможностей его картографирования, т.к. он позволяет отображать на карте перевес одного из двух этнических компонентов ЭКЗ. К этому добавляется и возможность картографирования динамики ИЭК. На карте можно отобразить, за счёт какого этноса произошло сокращение или увеличение величины ИЭК (т.е. уменьшение или рост степени выраженности ЭКЗ).

Следует отметить, что в отечественной науке предпринимались попытки использовать ИЭМ для оценки сдвигов в этническом пространстве страны, например, в работе [Манаков, 2018], однако интерпретация динамики ИЭМ всегда требовала дополнительной информации об изменениях в этнической структуре населения регионов. По аналогии с ИЭМ, сама по себе динамика ИРМ за определённый временной интервал не даёт полного представления о сдвигах в конфессиональном пространстве, и обычно такое изучение опирается на анализ изменения долей последователей тех или иных религий [Сафронов, 2001; Манаков, Суворков, 2018]. И в данном случае, опять же, более удобно для анализа сдвигов в конфессиональном пространстве использование соответствующего аналога индекса этнической контактности – индекса религиозной контактности:

$$ИРК = 2 \cdot \pi_{A_j} \cdot \pi_{B_j},$$

где *ИРК* – индекс религиозной контактности (вероятность встречи последователей религий *A* и *B* в *j*-м регионе), π_{A_j} – доля последователей религии *A* в *j*-м регионе, π_{B_j} – доля последователей религии *B* в *j*-м регионе.

Ниже представлены результаты расчёта и картографического отображения на уровне регионов Российского государства с XVIII по начало XX вв. показателя контактности (ИРК) последователей двух мировых религий, а точнее, представителей крупнейших в России конфессиональных групп населения: 1) восточных христиан, включая православных, старообрядцев и монофизитов (в первую очередь, армяно-григориан); 2) мусульман. Причиной совместного рассмотрения восточно-христианских конфессий является не только культурная близость их приверженцев, но и отсутствие отдельной статистики по старообрядцам за XVIII в. Но при этом наибольшее внимание в исследовании уделено картографическому отображению динамики ИРК в интервалы между 1719, 1795, 1851, 1897 и 1914 гг., благодаря чему удалось проследить подвижку регионов основного восточнохристианско-мусульманского взаимодействия фактически за весь имперский период истории России.

Результаты исследования. На рисунке 1 представлено сравнение результатов расчёта показателей ИРМ и индекса контактности восточных христиан (православных, старообрядцев и монофизитов) и мусульман (ИПМК) для губерний и областей Российской империи по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Выбор именно этого года для сравнения показателей связан с более полной конфессиональной статистикой по итогам переписи населения, чем по данным ревизий и текущего учёта населения в другие годы выбранного для анализа временного интервала.

Показатель ИРМ позволяет увидеть как моноконфессиональные территории (ИРМ менее 0,1), так и конфессиональные контактные зоны разной степени выраженности (слабой – ИРМ от 0,1 до 0,2; средней – ИРМ от 0,2 до 0,4; яркой – ИРМ от 0,4 до 0,6; наиболее яркой – ИРМ свыше 0,6). Если моноконфессиональные территории достаточно легко идентифицировать (православное ядро в европейской части и на востоке страны, а также мусульманское ядро – в Средней Азии), то для выявления основных компонентов конфессиональных контактных зон требуется обращение к первичной статистике по религиозному составу населения.

Показатель ИПМК также позволяет увидеть конфессиональные ядра, как восточно-христианское, так и мусульманское (ИПМК менее 0,1). Но при этом контактные зоны разделены не только по степени выраженности, но и по перевесу в них восточных христиан и мусульман. Таким образом, можно проследить зону кон-

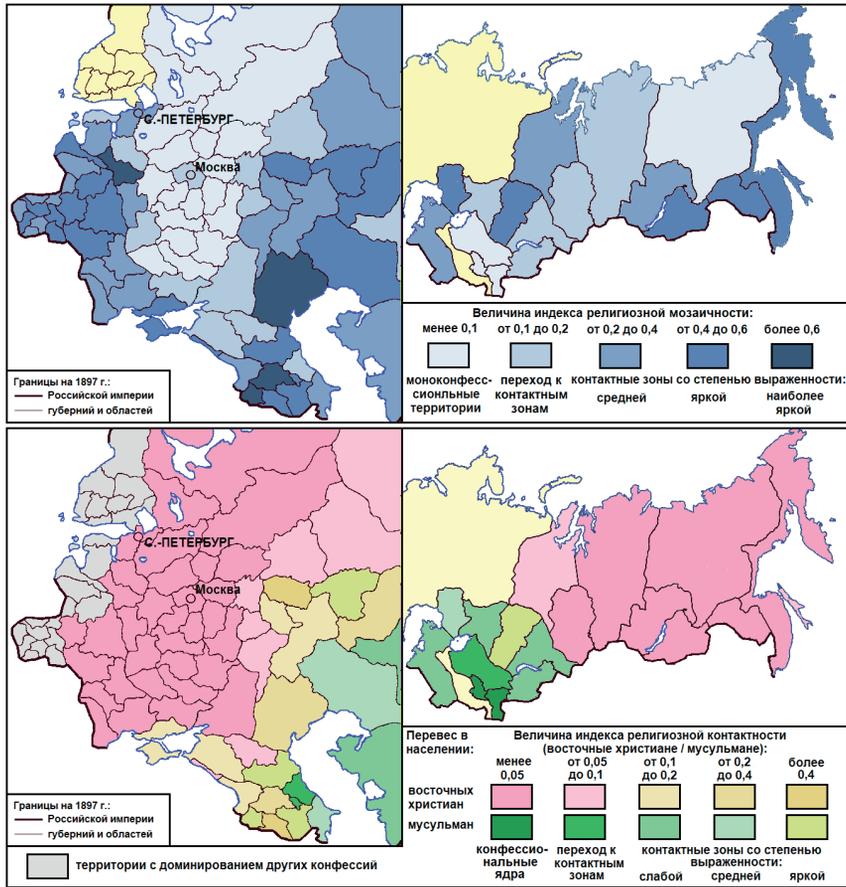

Рис. 1. Величина индекса религиозной мозаичности (ИРМ) и индекса контактности восточных христиан и мусульман (ИПКМ) по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (составлено авторами).

такта именно между двумя данными конфессиональными пространствами, которая охватывает значительную часть Средней Азии, Кавказа и Причерноморья, а также Южного Урала и Поволжья.

Недостаток методики, оперирующей показателем ИРК, связан с недоучётом других религий, которые не рассматриваются в рамках двухкомпонентной конфессиональной контактной зоны, при определении границ конфессиональных ядер. Так, например, восточно-христианское ядро на рисунке 1 охватывает более обширные территории, чем в случае определения контактных зон с другими конфессиями, как на западе Российской империи (с католиками и протестантами), так и на востоке страны (с язычниками и буддистами). Выделение на рисунке отдельно территорий с доминированием других конфессий лишь частично решает эту проблему.

На рисунке 2 отображены результаты расчёта ИПМК за 1719 г., т.е. по итогам первой ревизии населения страны.

Восточно-христианское ядро тогда охватывало только европейскую часть России, т.к. в азиатской части страны пока ещё доминировало язычество. Зона контакта восточных христиан и мусульман тогда приходилась на Южный Урал, Поволжье и включённое в состав России Предкавказье. Итоги первой ревизии населения страны выбраны как стартовые для анализа динамики восточнохристианско-мусульманской контактной зоны на протяжении XIX и начала XX вв.

На рисунке 3 представлены результаты расчёта динамики ИПМК за два временных интервала: между 1719 и 1795 гг. (первой и пятой ревизиями населения), а также между 1795 и 1851 гг. (пятой и девятой ревизиями).

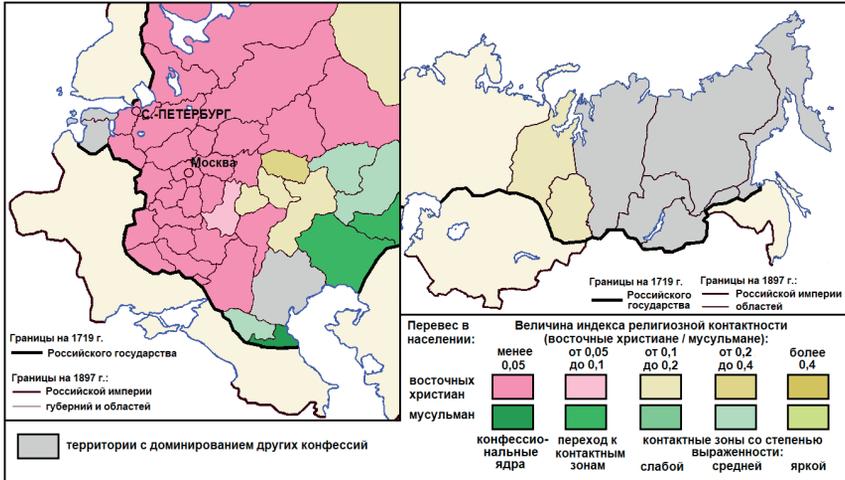

Рис. 2. Величина индекса контактности восточных христиан и мусульман (ИПМК) по итогам первой ревизии населения России в 1719 г. (составлено авторами)

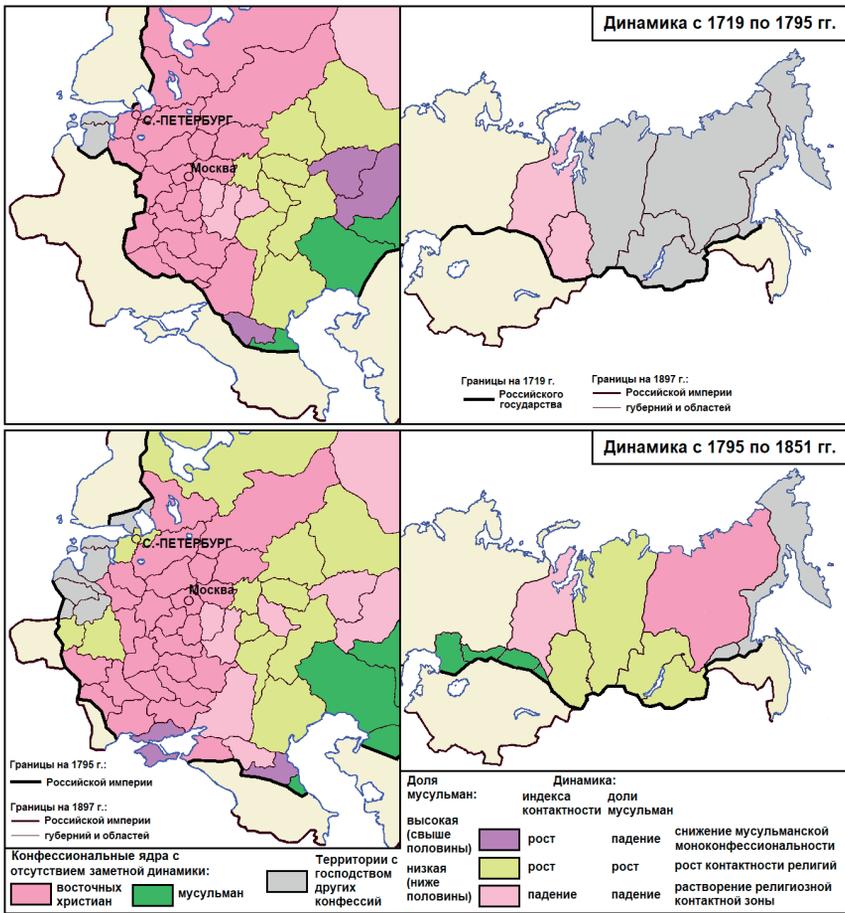

Рис. 3. Динамика величины индекса контактности восточных христиан и мусульман (ИПМК) в регионах Российской империи в периоды 1719–1795 гг. и 1795–1851 гг. (составлено авторами)

Между первой и пятой ревизиями населения (с 1719 по 1795 гг.) доля мусульман в населении государства, несмотря на примерно двукратный рост численности, сократилась с 6,5 до 5%. В ряде регионов (Южный Урал и Предкавказье) произошёл рост ИПМК за счёт падения изначально высокой доли мусульман. Однако пояс регионов в Предуралье и Поволжье характеризовался ростом ИПМК благодаря росту доли мусульман, что могло произойти как в результате миграции на эти территории мусульман, так и за счёт их повышенного естественного прироста по сравнению с христианским населением. Также можно отметить несколько регионов в центре России и в Западной Сибири, где происходило растворение восточнохристианско-мусульманской контактной зоны за счёт снижения и до того низкой доли мусульман.

Между пятой и девятой ревизиями населения (с 1795 по 1851 гг.) численность мусульман в Российской империи увеличилась в три раза, а их доля выросла почти вдвое – с 5 до 9,4% (главным образом, из-за расширения среднеазиатских владений). Рост ИПМК по причине уменьшения первоначально высокой доли мусульман произошёл только в двух регионах – в Предкавказье и Таврической губернии. При этом географически расширился пояс регионов (за счёт севера и запада европейской части страны, а также Восточной и Южной Сибири), где показатель религиозной контактности рос благодаря увеличению доли мусульман. Также нужно отметить губернии Южного Урала, где продолжалось падение доли мусульман, и они уже не составляли там большинство, т.е. обозначились первые признаки растворения здесь восточнохристианско-мусульманской контактной зоны.

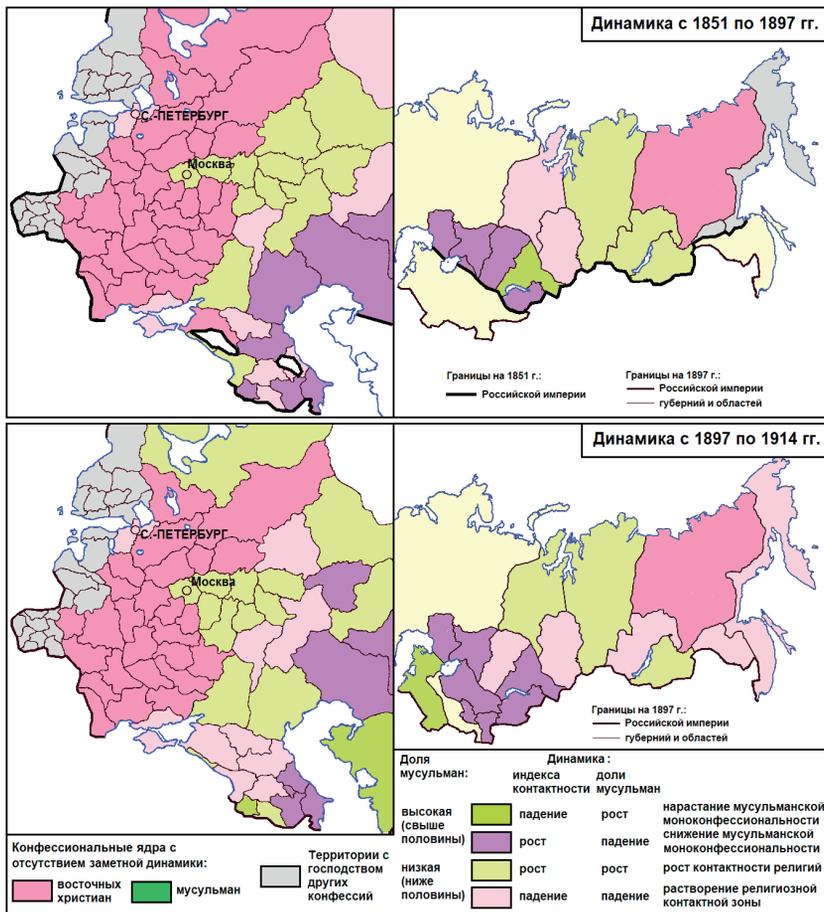

Рис. 4. Динамика величины индекса контактности восточных христиан и мусульман (ИПМК) в регионах Российской империи в периоды 1851–1897 гг. и 1897–1914 гг. (составлено авторами)

На рисунке 4 представлены результаты расчёта динамики ИПМК за интервалы между 1851 и 1897 гг. (девятой ревизией и Первой всеобщей переписью населения Российской империи) и между 1897 и 1914 гг. (текущим учётом населения).

Между девятой ревизией и Первой всеобщей переписью населения Российской империи (с 1851 по 1897 гг.) численность мусульман выросла в 2,1 раза, но их доля в населении империи увеличилась не столь значительно – с 9,4 до 11,1%. За это время заметно возросло количество регионов, где произошёл рост ИПМК по причине уменьшения первоначально высокой доли мусульман. В их число входили несколько регионов Кавказа, Нижнее Поволжье и большинство вошедших в состав Российской империи регионов Средней Азии. Лишь в одном из последних, а именно в Семипалатинской области, происходило нарастание мусульманской моноконфессиональности. Продолжался рост конфессиональной контактности за счёт увеличения доли мусульман в целом ряде губерний Предуралья и Поволжья, областей Восточной Сибири и Забайкалья. В эту же категорию попали Московская и Владимирская губерния в центре России, что объясняется миграционными притоком в эти губернии мусульман. При этом в ряде регионов страны (Западная Сибирь, несколько регионов Урало-Поволжья, Кавказа, а также Таврическая губерния) происходило растворение восточнохристианско-мусульманских контактных зон.

Между Первой всеобщей переписью населения 1897 г. и текущим учётом 1914 г. численность мусульман выросла в 1,3 раза, а их доля в населении империи уменьшилась с 11,1 до 10,2%. Пояс регионов с ростом ИПМК за счёт уменьшения ранее высокой доли мусульман оказался разорванным на две части, одна из которых сохранилась на востоке Кавказа, вторая – в Средней Азии. В эту же категорию попала Уфимская губерния, хотя нужно отметить, что доля мусульман здесь в этот период изменялась незначительно и держалась на уровне примерно половины от общего числа населения. Также нужно отдельно обозначить Карсскую и Закаспийскую области, где происходило наращивание мусульманской моноконфессиональности. Немного увеличилось количество регионов с одновременным ростом ИПМК и доли мусульман. В эту категорию вошли некоторые губернии центральной и северной частей Европейской России, значительная часть Поволжья и Сибири. Вместе с тем, в отдельных регионах Предуралья, Среднего Поволжья, западной части Кавказа, Южной Сибири и Дальнего Востока начался или продолжался процесс растворения восточнохристианско-мусульманских контактных зон.

В целом за период с 1719 по 1914 гг. можно отметить следующие общие черты динамики контактных зон между восточно-христианским и мусульманскими пространствами. Вполне естественным можно считать процесс наложения восточно-христианского пространства на мусульманское по мере расширения границ Российского государства. В первую очередь это касалось Кавказа и среднеазиатских владений, где формировались контактные зоны с высоким ИПМК, но с отрицательной динамикой данного показателя. Таким образом, территории с мусульманским населением на Кавказе и в Средней Азии постепенно теряли свой моноконфессиональный характер. Лишь со второй половины XIX в. в империи появились единичные регионы, где начала увеличиваться доля мусульман.

Во-вторых, обращает на себя внимание пояс губерний, охватывающий Южный Урал и Поволжье, где на протяжении имперской эпохи сохранялась восточнохристианско-мусульманская контактная зона с положительной динамикой ИПМК за счёт роста, хотя и небольшого, доли мусульман. Также положительная динамика количества мусульман, начиная с XIX в., наблюдалась и в отдельных регионах с низким ИПМК, условно относимых к восточно-христианскому ядру (в ряде губерний центральной и северной части Европейской России, а также областей Восточной и Южной Сибири). Очевидно, что в последнем случае рост доли мусульман был связан с их миграционным притоком в эти части Российской империи.

И, наконец, во все изучаемые временные интервалы в целом ряде регионов с невысоким ИПМК доля мусульман снижалась до крайне низкого уровня, что свидетельствовало о переходе к начальному этапу растворения восточнохристианско-мусульманских контактных зон. Сначала в эту категорию регионов входили области Западной Сибири и губернии западного обрамления Поволжья, к которым затем

прибавились отдельные губернии Поволжья (Саратовская и Самарская), Северного и Западного Кавказа, Причерноморья и др. В итоге многие из этих регионов в начале XX в. вошли или были на грани вхождения в восточно-христианское ядро.

Выводы. Результаты проведённого исследования свидетельствуют о возможности применения индекса религиозной контактности (ИРК) для анализа территориальной структуры конфессионального пространства и пространственно-временной динамики его основных элементов: ядра и контактных зон. Но данный показатель применим только при изучении двухкомпонентных конфессиональных контактных зон. В нашем исследовании рассмотрена динамика с 1719 по 1914 гг. ядер и зон контакта двух основных конфессиональных пространств Российской империи: восточно-христианского (включающего православных, старообрядцев и армяно-григориан) и мусульманского.

В отличие от используемого в конфессиональной географии индекса религиозной мозаичности (ИРМ), индекс религиозной контактности даёт возможность не только оценить степень неоднородности конфессионального состава населения, но и картографически отобразить перевес последователей той или иной религии при выделении и оценке степени выраженности двухкомпонентных конфессиональных контактных зон. В исследовании предложена такая классификация конфессиональных контактных зон в зависимости от величины ИРК: слабо выраженные – с ИРК от 0,1 до 0,2; средней выраженности – с ИРК от 0,2 до 0,4; ярко выраженные – с ИРК свыше 0,4. В случае, если ИРК ниже 0,1, можно говорить о таком элементе религиозного пространства, как конфессиональное ядро. Вместе со степенью выраженности конфессиональных контактных зон на карте цветовым фоном можно отображать и преобладающую в контактной зоне группу последователей конкретной религии.

Также с помощью цветового фона на карте можно отобразить динамику ИРК за определённый временной интервал, показывая сразу и то, за счёт увеличения удельного веса какой конфессии произошло нарастание или уменьшение степени выраженности конфессиональной контактной зоны. Можно предложить выделение следующих фаз развития конфессиональных контактных зон: 1) снижение моноконфессиональности (появление последователей другой религии); 2) рост контактности за счёт увеличения доли последователей второй религии; 3) снижение показателя контактности, когда удельный вес последователей второй религии превысил долю приверженцев первой религии и продолжает расти; 4) нарастание моноконфессиональности (начало доминирования второй религии); 5) растворение конфессиональной контактной зоны (снижение до крайне низкого уровня доли последователей первой религии).

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФ, проект № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность»

Acknowledgement

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”

Библиографический список

1. Булаев, В.М. Конфессиональное пространство как предмет социальной географии / В.М. Булаев, К.В. Горина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 1. – С. 147–156.
2. Горина, К.В. Конфессиональное пространство: понятие и его структурные элементы / К.В. Горина // Система ценностей современного общества. – 2012. – № 24. – С. 8–13.
3. Горохов, С.А. География религий: циклы развития глобального конфессионального пространства / С.А. Горохов. – М.: ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2020. – 235 с.
4. Горохов, С.А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий / С.А. Горохов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2014. – № 2. – С. 21–30.

5. Дементьев, В.С. Подходы к изучению структурных элементов конфессионального пространства Северо-Запада России на рубеже XIX–XX вв. / В.С. Дементьев // Псковский регионологический журнал. – 2021. – № 2 (46). – С. 117–131.
6. Дорофеева, Д.Ю. Изменение этнической мозаичности регионов России / Д.Ю. Дорофеева, М.С. Савоскул // Этническая демография. Сборник. Сер. Демографические исследования. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 72–93.
7. История России. Интерактивная карта изменений границ России на протяжении веков [Электронный ресурс]. – URL: <https://histography.ru/#welcome> (дата обращения 14.11.2022).
8. Кабузан, В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1992. – 216 с.
9. Кабузан, В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
10. Кабузан, В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.) / В.М. Кабузан. – М.: Институт российской истории РАН, 2008. – 272 с.
11. Кельман, Ю.Ф. Географический анализ этнокультурного разнообразия населения США / Ю.Ф. Кельман // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2014. – № 5. – С. 22–29.
12. Лысенко, А.В. Этноконтактные зоны Северного Кавказа / А.В. Лысенко, Д.С. Водопьянова, Д.С. Азанов // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 165–170.
13. Манаков, А.Г. Сдвиги в конфессиональном пространстве России в XVIII – начале XX в.: историко-географический анализ / А.Г. Манаков, П.Э. Суворков // Известия Русского географического общества. – 2018. – Т. 150. – № 2. – С. 3–15.
14. Манаков, А.Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX – начале XXI в. / А.Г. Манаков // Географический вестник. – 2019. – № 2 (49). – С. 13–24.
15. Манаков, А.Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века / А.Г. Манаков. – Псков: Псковский государственный университет, 2018. – 208 с.
16. Озем, Г.З. Конфессиональное районирование Беларуси / Г.З. Озем // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. – 2008. – № 1. – С. 90–95.
17. Орлов, А.Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации / А.Ю. Орлов // Региональные исследования. – 2013. – № 2 (40). – С. 120–124.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (дата обращения 16.01.2023).
19. Пучков, П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей / П.И. Пучков // Советская этнография. – 1973. – № 6. – С. 51–65.
20. Сафронов, С.Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века / С.Г. Сафронов // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского. – М.: Изд. ОГИ, 2001. – С. 443–460.
21. Сафронов, С.Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России / С.Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2013. – № 4 (42). – С. 87–100.
22. Сороко, Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации / Е.Л. Сороко // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 96–123.
23. Теренина, Н.К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения / Н.К. Теренина // Псковский регионологический журнал. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 101–116.
24. Шитиков, Ф.В. Географические особенности этноконфессиональной ситуации на территории Республики Бурятия / Ф.В. Шитиков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. – 2015. – Т. 11. – С. 141–148.
25. Balabeykina, O.A. The denominational space of modern Sweden: Christianity / O.A. Balabeykina, V.L. Martynov // Baltic Region. – 2017. – Vol. 9. – No. 3. – P. 87–98.
26. Fearon, J.D. Ethnic and cultural diversity by country / J.D. Fearon // J. Econ. Growth. – 2003. – No. 8. – P. 195–222.
27. Manakov, A.G. Territorial Structure of the Denominational Space of the South-East Baltic / A.G. Manakov, V.S. Dementiev // Baltic Region. – 2019. – Vol. 11. – No. 1. – P. 92–108.
28. Posner, D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa / D.N. Posner // Amer. J. Political Sci. – 2004. – Vol. 48. – No. 4. – P. 849–863.

Текст поступил в редакцию 26.04.2023.

Принят к печати 24.05.2023.

Опубликован 28.03.2024.

References

1. Balabeykina O.A., Martynov V.L. The denominational space of modern Sweden: Christianity. *Baltic Region*. Kaliningrad, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 87–98.
2. Bulaev V.M., Gorina K.V. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University], Kaliningrad, 2011, no. 1, pp. 147–156 (in Russian).
3. Dementiev V.S. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov journal of regional studies]. Pskov, 2021, no. 2 (46), pp. 117–131 (in Russian).
4. Dorofeeva D.Yu., Savoskul M.S. *E'tnicheskaya demografiya. Sbornik. Ser. Demograficheskie issledovaniya* [Ethnic demography. Collection. Ser. Demographic Research]. Moscow: MAKS Press, 2010, pp. 72–93 (in Russian).
5. Fearon J.D. Ethnic and cultural diversity by country. *J. Econ. Growth*. 2003, no. 8, pp. 195–222.
6. Gorina K.V. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva* [System of values of modern society]. Novosibirsk: CRNS LLC, 2012, no. 24, pp. 8–13 (in Russian).
7. Gorokhov S.A. *Geografiya religij: cikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of religions: development cycles of the global confessional space]. Moscow: Unity-Dana Publ. House LLC, 2020, 235 p. (in Russian).
8. Gorokhov S.A. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series], Moscow, 2014, no. 2, pp. 21–30. (in Russian).
9. Istoriiya Rossii. Interaktivnaya karta izmenenij granic Rossii na protyazhenii vekov [Russian history. Interactive map of changes in the borders of Russia over the centuries]. Available at: <https://histography.ru/#welcome> (accessed on November 14, 2022) (in Russian).
10. Kabuzan V.M. *Narody Rossii v pervoi polovine XIX v.: chislennost' i etnicheskii sostav* [Peoples of Russia in the first half of the 19th century: number and ethnic composition]. Moscow: Nauka, 1992, 216 p. (in Russian).
11. Kabuzan V.M. *Narody Rossii v XVIII v.: chislennost' i etnicheskii sostav* [Peoples of Russia in the XVIII century: number and ethnic composition]. Moscow: Nauka, 1990, 256 p. (in Russian).
12. Kabuzan V.M. *Rasprostranenie pravoslaviia i drugikh konfessii v Rossii v XVIII – nachale XX v. (1719–1917 gg.)* [Spreading Orthodoxy and other religions in Russia in the 18th – the beginning of the 20th century (1719–1917)]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2008, 272 p. (in Russian).
13. Kelman Yu.F. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Vestnik of the Moscow University. Series 5, Geography]. Moscow: MSU, 2014, no. 5, pp. 22–29 (in Russian).
14. Lysenko A.V., Vodopyanova D.S., Azanov D.S. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Stavropol State University]. Stavropol: SSU, 2011, no. 3, pp. 165–170 (in Russian).
15. Manakov A.G. *E'tnokul'turnoe prostranstvo Rossii: struktura i geodinamika s XVIII veka* [Ethno-cultural space of Russia: structure and geodynamics since the 18th century]. Pskov: Pskov State University, 2018, 208 p. (in Russian).
16. Manakov A.G. *Geograficheskij vestnik* [Geographic Bulletin]. Perm: Perm State National Research University, 2019, no. 2 (49), pp. 13–24 (in Russian).
17. Manakov A.G., Dementiev V.S. Territorial Structure of the Denominational Space of the South-East Baltic. *Baltic Region*. Kaliningrad, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 92–108.
18. Manakov A.G., Suvorkov P.E. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Russian Geographical Society]. 2018, vol. 150, no. 2, pp. 3–15 (in Russian).
19. Orlov A.Yu. *Regional'nye issledovaniia* [Regional research]. Smolensk: SGU, 2013, no. 2 (40), pp. 120–124 (in Russian).
20. Ozem G.Z. *Vestnik BGU. Seriya 2: Ximiya. Biologiya. Geografiya* [News of the Belarusian State University. Series 2, Chemistry. Biology. Geography]. Minsk: BSU, 2015, no. 1, pp. 90–95 (in Russian).
21. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniia Rossijskoj imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniia po veroispovedaniyam i regionam* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897 Distribution of the population by religions and regions]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (accessed on January 16, 2023) (in Russian).
22. Posner D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa. *Amer. J. Political Sci.* 2004, vol. 48, no. 4, pp. 849–863.
23. Puchkov P.I. *Sovetskaya e'tnografiya* [Soviet ethnography]. Moscow, 1973, no. 6, pp. 51–65 (in Russian).
24. Safronov S.G. *Gorod i derevnia v Evropeiskoi Rossii: sto let peremen* [City and village in European Russia: one hundred years of change]. Moscow: OGI, 2001, pp. 443–460 (in Russian).
25. Safronov S.G. *Regional'nye issledovaniia* [Regional research]. Smolensk: SGU, 2013, no. 4 (42), pp. 87–100 (in Russian).
26. Shitikov F.V. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle* [News of the Irkutsk State University. Series: Earth Sciences]. Irkutsk, 2015, vol. 11, pp. 141–148 (in Russian).
27. Soroko E.L. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Moscow, 2014, vol. 1, no. 4, pp. 96–123 (in Russian).
28. Terenina N.K. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies]. Pskov, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 101–116 (in Russian).

Submitted for publication: April 26, 2023.

Accepted for publication: May 24, 2023.

Published: March 28, 2024.